

ВВЕДЕНИЕ

Читателю, привыкшему с начала перестройки к разоблачению кровавых преступлений Лаврентия Берии и его подручных, читать повесть будет явно непривычно.

Министр пропаганды Третьего рейха не зря говорил: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят». А Геббельс хорошо знал свое дело.

Наше общество привычно обвиняет Берию и его команду в кровавых репрессиях 1937–1938 гг. Только вот незадача, Лаврентий Павлович был назначен наркомом НКВД в 1939 году и, как «истинный палач», начал с широкой амнистии. Но кто сейчас об этом знает?

Еще один шаг «палача и убийцы» — воссоздание разгромленной Ежовым разведки. В том числе создание первого в нашей стране соединения специального назначения. Военные историки, по политическим мотивам, упорно приписывают создание таких частей маршалу Жукову, который сделал это уже после войны.

Ангелом Лаврентий Павлович, конечно, не был. Но наша многострадальная страна сохранила независимость, и народы России еще живы потому, что атомный проект возглавлял маршал Берия, а его

подчиненные обеспечили сохранность необходимой тайны и были готовы пожертвовать жизнью для недопущения ядерного удара по СССР.

Эта повесть — дань памяти бойцам соединений и воинских частей НКВД. Об их инструкторах и духовных наставниках — оренбургских казаках, прошедших Первую мировую в отрядах особой важности.

Все боевые эпизоды и факты, описанные в книге, происходили в реальности. Будь то события Великой Отечественной или войны в Корее.

*Оренбургским казакам-пластунам
Первой мировой и их последователям
Великой Отечественной посвящается.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Встреча в тумане

Я стоял на палубе катера, левой рукой опираясь на ребристый ствол ДШК¹. Соленые брызги то и дело попадали мне в лицо. Приходилось отплевываться. Я взглянул на черное небо. Здесь, на юге, совсем другое небо, да и белых ночей нет. Звезды светят более ярко, а темнота кажется чернее. Хорошо виден ковш Большой Медведицы. «Ручка ковша сверху за моим правым плечом — значит, мы идем на юг. Точнее, на юго-запад. Половинка луны осталась у нас за кормой. Уже скоро нам надо будет готовиться к высадке».

Нам — это разведгруппе отряда водолазов-разведчиков особой бригады НКВД². Я командир этой

¹ ДШК — 12,7-мм крупнокалиберный пулемет.

² Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР. Первое в нашей истории соединение специального назначения. Базировалась в Москве и Подмосковье. В описываемый период, после апреля 1943 года, когда НКВД был разделен на собственно НКВД и НКГБ, соединение было переформировано в Отряд особого назначения НКГБ. Подразделение водолазов-минеров в НКВД изначально создавалось

группы лейтенант Виктор Черкасов. Кроме меня, еще два разведчика: белорус старшина Саша Пинкевич и испанец Луис Вилар. Родители и сестра Луиса погибли от рук фашистов, а его, двенадцатилетнего, вместе с другими детьми эвакуировали в Союз. Вырос он в детском доме в Иванове.

Мы уже давно служим вместе. До этого наше подразделение работало на Ладоге и Онеге. Здесь это наш первый разведывод.

Командир катера, мичман Терещенко, зовет нас с оттенком снисходительности — «москвичи». Эти три недели после прибытия в разведотряд штаба Черноморского флота мы общаемся в основном с бывшими роновцами¹, с кем вместе приходилось работать на Ладоге. Их перевели сюда за месяц до освобождения Одессы. Из черноморцев я близко сошелся только с Григорием Поженяном, тоже командиром группы.

И формой мы от моряков отличаемся. Мы-то из другого ведомства, поэтому носим обычную пехотную форму. Морские у нас только тельняшки и «штат» морской пехоты с якорем на рукаве гимнастерки. На моей голове выцветшая, почти белая пилотка. А флотские разведчики на базе ходят

для диверсий на внутренних водоемах (реках, озерах, водохранилищах) оккупированной части СССР в отличие от подобных подразделений ВМФ. Самая известная операция (в узких кругах) — подрыв моста через Днепр.

¹ Рота особого назначения разведотдела штаба Балтийского флота, первое в нашей истории подразделение водолазов-разведчиков.

в красивой морской форме. У офицеров и старшин шикарные морские фуражки с «крабом». Предмет моей тихой зависти.

Кстати, о форме. Сейчас на задание мы одеты в эсэсовский мелкопятнистый камуфляж. На моей голове — серое горное кепи. Над козырьком — эсэсовский череп с костями, а сбоку приколот «Эдельвейс» — знак немецких горных частей. Под камуфлированной курткой китель с черными петлицами. На правой петлице — молнии, на левой — знаки различия унтерштурмфюрера. Пятнистые брюки заправлены в гетры. Обуты мы все в немецкие горные ботинки. У ребят камуфлированные куртки, без каких-либо знаков различия, одеты поверх горных свитеров. Немцы тоже частенько нарушают форму одежды. Так одеты в боевых частях горнострелковой дивизии СС «Норд». В Карелии нам приходилось работать и в ее тылах.

Мы все примерно одного роста — невысокие. У Пинкевича рыжеватые волосы, голубые глаза и лицо, усеянное веснушками. А мы с Луисом похожи. У обоих черные волосы и дочерна загорелые лица. Наше оружие, как и форма, тоже немецкое. У меня и Луиса «штурмгеверы»¹, но у Сани его любимая «треха»² с оптическим прицелом. Еще у меня на животе кобура от немецкого «парабеллума», но

¹ «Штурмгевер» — штурмовая винтовка (автомат) StG-44. Отдаленно похож на автомат Калашникова.

² «Треха» (жарг.) — трехлинейная винтовка с прицелом ПЕ.

в ней родной «наган». Он у меня с «Брамитом»¹. У каждого на ноге закреплен десантный нож. У меня на обеих голених прихвачены ремешками под брезентовыми гетрами два ножа. Наш груз уложен в немецкие горные рюкзаки, к каждому приторочен «Фаустпатрон»². Груз в рюкзаках и «фауст» не для нас. Нам на этом задании шуметь вообще не нужно.

Катер быстро идет темно-серой тенью, рассекая волны. Скорость около сорока узлов³. От нашей базы до места высадки около ста двадцати миль. Плюс поправка на снос течением. Большая часть пути уже пройдена.

Рядом со мной стоит матрос-пулеметчик. Он смотрит вперед, держась за рукоятки ДШК. У него хорошее простое лицо. Из-под шлема выбивается прядь русых волос. Ему лет восемнадцать. По взглядам, которые он украдкой бросает на меня и мою немецкую форму, понятно, что на флоте он недавно и его первый бой, судя по всему, был неделю назад. Тогда катер, уже на подходе к базе, был атакован «мессером». Умело маневрируя, катер не подставился под пули врага. А огонь крупнокалиберного пулемета в конце концов заставил немецкий самолет отвалить. Тогда, после швартовки, санитарная машина увезла двоих раненых — сиг-

¹ «Брамит» — прибор бесшумной и беспламенной стрельбы. Применялся с 1941 г.

² «Фаустпатрон» — немецкий одноразовый противотанковый гранатомет «Панцерфауст».

³ Узел — миля в час. Миля — 1,852 км.

нальщика и пулеметчика. А этот парень тогда был вторым номером. И сейчас экипаж пять человек вместо семи по штату.

Видя, что матрос пытается заговорить, отворачиваюсь. Не зря говорится, что все боевые уставы написаны кровью. Поэтому и запрещено разведчикам общение с теми, кто обеспечивает их высадку. Но понимаю я его хорошо. Давно ли сам был таким?

Вспомнились события суточной давности.

Постановка задачи в кабинете начальника разведотдела штаба Черноморского флота. Но задачу нам ставил не флотский начальник, а представитель нашего управления¹. Наша группа в четырнадцать человек хоть и прикомандирована к разведотряду флота, но задачи имеет свои. С флотскими разведчиками мы сейчас лишь взаимодействуем.

Начальник разведотдела подполковник Намгаладзе² сидит и слушает. Хитро поблескивают его матово-черные глазки.

Задачу нам ставит наш непосредственный начальник — капитан второго ранга, отличный мужик и опытный боевой офицер. Ему около сорока, но он совершенно седой. Война застала его здесь, на Черном море, в морских частях погранвойск. При эвакуации морем у него под бомбами погибла вся се-

¹ 4-е (разведывательно-диверсионное) управление НКВД-НКГБ.

² Подполковник Дмитрий Багратионович Намгаладзе.

мья. Его ценит и уважает сам генерал Судоплатов¹. В феврале сорок третьего, после возвращения с Кавказа, он отобрал нас с Пинкевичем в отряд подводных диверсантов. Луис и еще несколько испанцев пришли из отряда «Гвадалахара»².

Помню занятия на Химкинском водохранилище, куда мы приехали уже после тренировок в бассейне.

Помню, как он разбудил меня ночью:

— Старшина, доложите характеристики «ВИА-2»³.

Да, гонял он тогда нас здорово. Но те, кто не отсеялся и окончил обучение, научились безошибочно находить цель в мутной воде подмосковных водохранилищ.

— Смотри. — Кавторанг показывает на карту, висящую на стене. Карандаш играет в его тонких интеллигентных пальцах. — Идете на «каэмке»⁴. Двигатели на ней мощные, форсированные. Высаживаетесь в этом квадрате. — Карандаш указывает скалистое побережье на карте. — Румыны берег охраняют слабо, здесь по берегу километров семь

¹ Павел Николаевич Судоплатов — легендарный советский разведчик. В годы войны начальник 4-го управления НКВД-НКГБ.

² Отряд «Гвадалахара» в ОМСБОН был сформирован из испанцев. В основном действовал на северо-западе против частей испанской дивизии.

³ Аппарат замкнутого цикла «ВИА-2» использовался в годы ВОВ.

⁴ Катер типа КМ. Длина — 13,9 м. Водоизмещение — 6,5 тонны. Благодаря малой осадке часто использовался для высадки разведывательных и диверсионных групп.

сплошные скалы. РЛС¹ и наблюдателей на этом участке нет, патрульные катера возле берега проходят в пять утра. Немцы — народ пунктуальный. До пяти успевайте. Экипаж на «каэмке» опытный. Командир катера мичман Терещенко этот район хорошо знает. До войны кефаль ловил. А Пинкевич на любую скалу залезет.

Я киваю молча. Намгаладзе тоже молчит.

— Далее. — Карандаш кавторанга поднимается выше. — По тропе проходите вот сюда и закладываете схрон. От берега около десяти километров по прямой. — На карте вижу ориентир — одиночное дерево. Кавторанг продолжает: — После схрона² идете до пересечения с грунтовкой³. Там должен ждать наш человек с важными документами. Он будет в форме капитана румынской армии. Катер вас подберет на следующую ночь после двух. Пароль для встречи, световые сигналы опознавания с катером и данные для радиосвязи получите перед выходом. В случае непредвиденных обстоятельств выходите на связь. Но только в этом случае. Пеленгаторная служба немцев ваш «Север»⁴ сразу засечет. Но это крайний случай. Вас подстрахует флотская разведка. Они уже работают в этом районе. Виктор, этот человек нам важен. — И, помол-

¹ Радиолокационная станция.

² Заглубленный, замаскированный тайник для имущества и боеприпасов.

³ Грунтовая дорога.

⁴ Переносная радиостанция «Север» применялась разведгруппами.

чаев, добавляет: — Помнишь, как прошло все тогда на Ладоге?

Еще бы. Тогда, в октябре сорок третьего, я первый раз высаживался во главе группы. После этого я и получил звание младшего лейтенанта.

На озере уже начались осенние шторма, и финны нас явно не ждали. Высадившись со всплывшей «малютки»¹, выгребая против ветра на надувной шлюпке, мы все-таки дошли до скал. Шлюпку спрятали в камнях, стравив воздух. Пинкевич поднялся и закрепил веревку. Мы с Луисом поднялись на «схватывающих» узлах. Подняли взрывчатку и, вытянув, замаскировали веревку. Финских наблюдателей обошли свободным лазанием. Стрелять тогда почти не пришлось. Только Саня из своей «трехи» с «Брамитом» снял часового на вышке и двух собак.

Когда на рассвете мы выгребали к ожидавшей нас подлодке, за спиной поднималось огромное зарево. Пылало огромное хранилище ГСМ. Немцы с финнами свезли горючее для подготовленной десантной операции по захвату острова Сухо. Остров с маяком находился ровно посреди Дороги жизни. Это была последняя попытка фашистов задуть Ленинград голодом.

Финским НП² при отходе я занимался сам. Здорово помог завывающий ветер. Со скалы я уходил

¹ Малая подводная лодка. Две подлодки применялись на Ладожском озере для высадки разведгрупп.

² НП — наблюдательный пост.

последним, спускаясь самосбросом¹. На скале остались тела трех заминированных финнов. Да, жестоко, но не мы пришли к ним жечь и убивать.

Мысли опять вернулись к заданию. Вроде бы все понятно. Но на душе кошки скребут.

Эти дни, после прибытия, мы упорно тренировались. С утра до вечера изучали новый для нас ТВД², гидрографию и прокладку курса в море. По картинкам учили форму одежды румынской армии, ТТХ и силуэты всех этих «раумботов» и «шнельботов». Голова пухнет. Эти занятия с нами проводит старший лейтенант Поженян³. В отряде Григорий с лета сорок первого, начинал матросом.

Потом на скале ракушечника отрабатываем скалолазание. Занятие проводит мой заместитель, старшина Пинкевич. Вообще в нашей бригаде жесткий принцип — если что умеешь делать лучше других, то и проводишь занятия. Твое звание здесь неважно. От меня, кстати, Саня требует больше других. Никакого чинопочитания.

Потом уже командую я. На морском берегу стреляем по прыгающим на волнах мишеням со смешной позиции. Уже после обеда провожу занятия по ближнему бою, работе с холодным оружием. Это два с половиной — три часа.

¹ Самосброс — способ спуска, после которого вытягивается веревка.

² ТВД — театр военных действий.

³ Григорий Поженян — известный советский поэт. В 1941–1946 гг. служил в разведке Черноморского флота.

Три дня назад ко мне вечером подошел матрос. Днем он обеспечивал стрельбы и видел наши следующие занятия.

Его лицо было обожжено с левой стороны, кожа там выделялась неестественной бледностью. Правая часть лица была нормально загоревшей.

— Товарищ лейтенант, вы знали главстаршину Туебаева? Он нас точно так же учил.

У меня сжалось сердце. С Кайратом мы простились первого декабря сорок первого года на Казанском вокзале Москвы.

От этого матроса я узнал подробности смерти друга.

Наши письма друг другу редко доходили, а Айжан мне не писала, что пришла похоронка¹.

Дело было так.

Группа разведотряда Северного флота, где Кайрат служил заместителем командира взвода, должна была высадиться с двух торпедных катеров на норвежское побережье в районе Киркинеса. Как назло, в порт Киркинес шли эсминец и тральщик кригсмарине². Немцы сразу открыли огонь, а в небе зависли осветительные ракеты. Катер, на котором находился Кайрат, отвернул в сторону, выбрасывая за собой дымовую завесу, но снаряд, попавший в корму катера, разбил трубу, по которой подавалась кислотная

¹ Письменное извещение семье военнослужащего о гибели их родственника в ходе боевых действий (на войне).

² Военно-морские силы Германии в годы Второй мировой войны.

смесь дымового облака. Осколками тяжело ранило наводчика зенитного автомата. Кислотную смесь завихрениями воздуха стало затягивать в ахтерпик, а там, при открытом люке, сидели разведчики. На них и полилась кислота.

— Главстаршина на палубу выскочил, раненого в люк успел подать. Тут рядом с катером снаряд с эсминца разорвался. Его взрывной волной в море и сбросило.

Я знал, что в воде Баренцева моря человек живет несколько минут — сводит мышцы. Если только Кайрат не погиб сразу от осколков.

— А мне тогда лицо обожгло, кожа лоскутами слезала, — продолжал матрос. — Полгода в госпитале, потом на Черное море перевели. Лицо теперь холод не переносит. Это еще ничего, а одному парню глаза выжгло, — помолчав, добавил он.

Да, наша работа романтична только в кино. А вот учитель у нас с Кайратом был один.

Катер вошел в полосу тумана и сбросил ход. Берег уже близко. Я нырнул в люк:

— Группа, подъем! Пятиминутная готовность, — и поднялся в рубку.

Мы вышли из тумана, когда за кормой уже поднимался красный диск солнца. Был виден берег.

И вдруг прямо по курсу, где-то в километре, появились две большие темные точки. Еще минута, и с этих точек, оказавшихся немецкими катерами, в нашу сторону понеслись светлячки трассирующих пуль и снарядов.

Пулеметчик завалился на палубу рядом с Пинкевичем. Еще очередь, и задело рубку. Нас с Терещенко пронесло, но рулевого отбросило к переборке. Мичман не растерялся, перехватил штурвал и развернул «каэмку».

Вытаскивая рулевого, я ощутил, как затряслась под ногами палуба — наш катер выжимал из двигателей все, что можно. Задело и пулеметчика. Им занялись разведчики.

Из люка показался Пинкевич:

— Раненого Луис перевязывает. В грудь его, кажется, легкое задело.

Опираясь на рубку, смотрю в бинокль.

Началась погоня.

— Сань, выдай целеуказание. — Я протянул ему бинокль.

Пинкевич на мгновение подносит его к глазам:

— Скорость где-то сорок узлов. Торпедные катера типа S-26. Вооружены солидно — носовая автоматическая пушка «Бофорс» сорок миллиметров, два пулемета MG-34 по бортам и на корме зенитка «Эрликон». Два торпедных аппарата, ну, это не по нашу душу.

— Немцы эти катера зовут «шнельботы» — быстроходные. Вообще, «шнельбот» — катер очень устойчивый, качку держит отлично. Поэтому и бьют по нам так кучно. База у них в Констанце.

Как бы в подтверждение этих слов рядом с кормой поднялся водяной фонтан.

— Но скорость у нас на десяток узлов больше, так что шанс уйти есть.

— Витек, думаешь, ждали нас? — Пинкевич кричит в грохоте выстрелов и шуме моторов.

Ответить я не успеваю. В корме что-то заскрежестало, и «каэмку» повело вправо.

Мы почти оторвались от немцев, когда снаряд «Бофорса» попал в машинное отделение. «Каэмка» стала постепенно сбавлять ход, протянув еще с полкабельтова.

В открытом люке показалась голова моториста:

— Командир, пробит масляный фильтр на левом движке, а на правом — блок цилиндров! Масло ва убило.

Мичман забористо выругался и произнес свое одесско-фамильярное:

— Ну, все. Приплыли, Клава, — и, повернувшись ко мне, добавил: — Шо, москвич, сушите весла и пожалуйста на румынские именины.

Я заметил, что Терещенко никогда не говорит «немцы» или «фрицы», а только «румыны». Только три дня назад от Гриши Поженяна я узнал, что его семью, жену и двух маленьких детей, румыны после захвата Одессы сожгли живьем. Сожгли не со зла, а просто сэкономили патроны. Жена была еврейкой, а золотых вещей, чтобы откупиться, не было. Румыны — это не немцы. К расовой теории они относились с большим пониманием, как к хорошей возможности заработать. Сам Терещенко в это время партизанил в одесских катакомбах.

«Шнельботы» быстро приближались, охватывая наш беспомощно болтавшийся катер слева и справа.

— В плен нам нельзя, москвич, — уже спокойно-обреченно сказал мичман. И взглядом показал на стоящий в рубке ящик с гранатами.

Неужели все, конец? Так, главное, успокоиться. Делаю резкий, со свистом, вдох через нос, задерживаю дыхание и несколько коротких выдохов через рот. Предательская дрожь в руках проходит. Еще пару раз вдох через нос, задержка и выдох.

Стоп! А ведь мы еще не на том свете! Чудо то, что 40-мм снаряд насквозь пробил деревянные борта, движки и не разорвался, наверное, он был бронебойный. Осколочно-фугасный снаряд рванул бы, и наши авиационные движки полыхнули бы факелом. Снаряд пробил блок одного движка, осколками сердечника посеколо фильтр на другом и убило моториста.

— Факел, дым, вот оно!

— Саня, Луис, ко мне! — дико кричу я.

Решение уже пришло откуда-то сверху. Мне вроде кто-то команду дает.

— Мичман, где у тебя противогазы? — кричу я в ухо Терещенко.

— В кубрике носовом, — недоуменно отвечает тот.

— погоди с гранатами, мичман! Смотри на Пинкевича и делай, как он. Не бойсь, прорвемся, — добавляю я.

Он смотрит на меня непонимающе, но объяснять ему что-либо некогда.

— Ребята, работаем как тогда в мае с финским БТР! Луис, хватай два противогаза и «фауст».

В машинном зажигаешь дымовую шашку и тряпье в ведре. Там всегда ветошь масляная есть. Ее на палубу возле люка кинешь. «Фауст» взведи! — кричу я в спину Луису. — Для тебя сигнал — Санин автомат! Саня, твои — пулеметчики на правом катере.

Говоря это, я снимаю ремень с уже пустой кобурой и подсумками для «штурмгевера» и бросаю на палубу. Автоматический карабин лежит на палубе возле тумбы с ДШК, он прикрыт брошенной Санинной камуфлированной курткой.

Так, у нас еще минуты три-четыре. Это даже много.

Левый катер ускоряет ход. Все понятно: с него будет высаживаться абордажная группа.

Саня срывает с себя горный свитер и остается в одной тельняшке. Он тоже медленно поднимает руки, опираясь спиной о ДШК.

Правый катер останавливается метрах в пятнадцати и, чуть развернувшись, ложится в дрейф. На нас смотрят кормовой «Эрликон» и два пулемета. Мы для них уже подарок морскому царю.

Поднимая руки, разворачиваюсь влево, с Пинкевичем мы стоим почти спина к спине. Между нами только пулемет на станке.

«Мой» первый катер уже метрах в пяти. На палубе, между рубкой и носовым «Бофорсом», два матроса. У обоих на головах каски, поверх рубы надеты спасательные жилеты. У левого в руках карабин «маузер», у правого — автомат МР-40.

За рубкой «каэмки» поднимается столб дыма. Боковым зрением вижу, как горит что-то на палубе возле открытого люка в машинное отделение. То, что надо.

«Шнельбот» с застопоренным двигателем почти касается нашего борта. Оба немца прыгают на нашу палубу.

Пора!

Не опуская рук с раскрытыми ладонями, маятниковым движением резко смещаюсь влево к матросу с карабином. От него в нос шибает резкий запах пота и немецких сигарет. Не растерявшись, он бьет меня прикладом сбоку в голову. Отлично! Что мне и надо. Чуть бросив тело вниз, с выдохом «снимаю»¹ удар.

Приклад проходит над моей головой. Со стороны это смотрится как отдание чести, когда левая рука на мгновение вскинута к горному эсэсовскому кепи.

Правой рукой, сопровождая, доворачиваю приклад. Главное, не терять контакта с противником. Немец теряет равновесие, его разворачивает, и я бью его плечом от груди. С шумом он падает за борт. Я этого уже не вижу. Оказываюсь за спиной другого матроса с финкой в левой руке, выхваченной с ноги при развороте. Волнообразным движением руки расплосовываю ему горло.

¹ Элемент русского рукопашного боя. При «съеме» удар противника не останавливается, а продолжает движение, меняя направление.

— Саня, давай! — Мой дикий крик, наверное, слышно на небе.

За эти секунды, пока немцы видят суматоху на палубе, Пинкевич должен схватить «штурмгевер» и положить пулеметчиков.

Прыгая на палубу «шнельбота», выхватываю нож с правой ноги. За спиной три короткие очереди «штурмгевера» сливаются с шипящим выстрелом «фауста». На «шнельботе» оказываюсь между рубкой и пулеметом. Пулеметчик пытается развернуть свой MG. Между нами метра два.

Грудью подбрасываю левую руку. Чувствую, как хвостовик рукоятки отрывается от торца ладони. Рука на мгновение застывает, указывая цель.

Есть! Рукоять ножа торчит из-под козырька немецкой каски.

Падая, тело матроса потянуло приклад пулемета вниз, и короткая очередь ушла в небо.

Прыжок к другому борту. В глубоком выпаде, падая на колено, достаю ножом в грудь другого пулеметчика.

Прыжок на корму к сиденью «Эрликона». Вижу искаженное ужасом лицо комендора. Удар хвостовиком ножа снизу под подбородок. Голова запрокидывается, клинок ножа входит сверху под горло.

Зажимаю в зубах окровавленный нож, выхватывая из левого кармана брюк «яйцо»¹.

¹ Немецкая наступательная граната М-39. Имела круглую форму.

«То яичко не простое, то яичко золотое!» — мысленно кричу я, выдергивая терочную пробку.

Правой рукой резко поднимаю крышку люка в машинное отделение. Бросаю гранату, захлопываю. Все, хана вам, ребята! Мое «яичко» действительно не простое. Вокруг корпуса слабенькой немецкой гранаты изолентой прикреплены гайки. Шансов уцелеть нет!

Прыгаю к левому пулемету. Внизу грохочет. Рывком разворачиваю MG и очередью прохожусь по горящему «шнельботу». Вовремя! На мою очередь налетает матрос, бросившийся из рубки к пулемету. Тело отбрасывает назад, и, переломившись, оно летит в море.

Молодец Луис — попал из «фауста» точно в машину. Там пылают баки с горючим.

А на нашем катере ничего не горит и не дымит. Все уже выброшено в море.

Саня бьет от бедра по рубке «моего» катера. Луис уже за гашетками ДШК бьет по рубке горящего «шнельбота». От нее летят металлические ошметки. Пламя вырывается из открытого люка машинного отделения. Наводчик носовой артиллерийской установки уткнулся лицом в казенник «Бофорса».

Вдруг из люка с диким криком выскакивает обжата пламенем фигура и бросается в море. Видно, люк в машину был открыт, от кумулятивной струи гранаты в задраенном отсеке никто бы не выжил.

Ладно, «язык» не помешает, пусть и моторист, а не офицер.

Не успеваю крикнуть, как с «каэмки» бьет автомат. Это ППС¹, а не «штурмгевер».

Терещенко бьет короткими очередями, стоя в рубке. Да, ненависть — страшная штука. В нашей работе она порой мешает.

Внезапно все стихло. Слышен только ласковый плеск волн о борт катера.

Невозможно сказать, сколько прошло с момента прыжка немцев на палубу «каэмки». То ли две-три минуты, то ли час. Время, кажется, спрессовавшись, остановилось.

Я выдернул свой нож из глазницы убитого фашиста и, вытерев об его робу, убрал в ножны на ноге.

— Нэ вбивайте! Допоможите! — раздался крик с воды, слева от «моего» «шнельбота».

Подскакиваю к противоположному борту. Метрах в двадцати перебирает руками по воде тот, которого я сбросил в воду. Пробковый жилет держит его на поверхности.

Вот и «язык»!

Не успеваю подать команду, как с нашего катера короткой очередью чавкнул «штурмгевер».

Повернув голову, вижу Саню с автоматом у бедра. Четко вижу его глаза и понимаю — говорить ему сейчас что-то бесполезно.

Я тихо выругался.

Для Сашки эта мова как красная тряпка для быка. Я его хорошо понимаю и не попрекну никогда.

¹ Пистолет-пулемет Судаева. Имел откидной приклад. Предназначался для разведывательных и десантных частей.

Когда нас, раненых, после днепровского моста с партизанского аэродрома отправили на Большую землю, в госпитале мы встретили Саниного земляка из отряда Орловского. Они вместе призывались еще до войны. Вместе служили в дивизии Дзержинского.

Его рассказ был не для слабонервных.

Я тогда сидел в палате на своей койке и молча слушал.

Саня с земляком, кажется, его звали Андрей, рядом на стульях. За полтора года на войне я насмотрелся всякого, но и меня тогда стало трясти.

Андрей рассказал, как в мае сорок второго их родную деревню под Витебском окружил украинский батальон шуцманшафта¹.

Жителей загнали в колхозное зернохранилище и подожгли. Это еще было не все. Упившиеся самогоном каратели рубили топорами маленьких детей, а связанного старика живьем распилили двуручной пилой.

Я не слышал, чтобы такое творили немцы, финны и даже венгры.

— Мы «языка» ихнего летом взяли, — помолчав, добавил Андрей. — Главный тогда у них гауптман Роман Шухевич² был. Эти гады до палаческой службы в батальоне «Нахтигаль» служили.

¹ Schutzmannschaft bataillon — территориальные охраняемые части из восточных добровольцев под немецким командованием. Основу батальона составляли три стрелковые роты.

² Роман Шухевич — кадровый офицер абвера. В последующем командующий УПА. Национальный герой Украины.

«Нахтигаль» — по-немецки «соловей». Структуру немецких спецслужб в бригадной школе преподавал капитан-пограничник. С этими диверсантами абвера¹ он схлестнулся еще в первый день войны. Мнения о них как о бойцах был крайне невысокого. Поэтому немцы и пристроили их к работе по душе. Сейчас, после Сталинграда и Курска, их в дивизию СС «Галичина» собирают.

Я взглянул на море. Этот «соловей» отпелся. Тело в спасательном жилете мерно опускается и поднимается на волнах. А от мокрой каски отражается солнечный зайчик.

Так, ладно, наше положение сейчас тоже не из лучших.

— Мичман, моториста на «шнельбот» быстро, пусть машину проверит.

— Добро, командир, — уважительно слышу в ответ.

Через мгновение он уже у люка в машину. Еще через минуту вижу его вместе с мотористом на «шнельботе».

— Саня, проверь живых на катере, — кричу Пинкевичу.

Луис, держась за гашетки ДШК, смотрит вдаль.

С шипением горит немецкий катер, огонь вырывается из всех щелей и люков.

Так, что мы имеем? Если патрульные катера в установленное время не выйдут на связь, ждите

¹ Абвер — военная разведка в гитлеровской Германии.

привет с воздуха. И болтающаяся на волнах цель, то есть мы, для «мессера» или «фоккевульфа» будет как развлечение в тире.

— Командир, живем, один движок есть! — кричит Терещенко со «шнельбота».

Еще минут через десять двигатель заурчал. Терещенко был уже в рубке немецкого катера. «Шнельбот» чуть-чуть прошел вперед, его корма оказалась в пяти метрах от бака «каэмки». Стоп машина!

Еще несколько минут — и мичман крепит трос к кнехту¹ на корме.

— Держи, — он ловко бросает конец Луису.

Луис крепит «булинем» буксирный конец на носу «каэмки».

На палубе появляется Пинкевич с «вальтером» в левой руке.

— Живых нет, но есть морская карта и эскаптэшка², — кричит он.

Отлично, это не хуже «языка»!

Все уходим, все по местам! Высаживаться для выполнения задания мы не можем.

Я сижу в кресле наводчика кормового «Эрликона», рядом лежат трупы немцев. Саня за комендора «Бомфорса». Луис на «каэмке» за крупнокалиберным пулеметом. Раненый, тела рулевого и моториста — в кубрике.

Для нас сейчас главная опасность — самолеты.

Терещенко уверенно управляет немецким катером.

¹ Кнехт — опора для швартовки судна.

² СКТ — сигнально-кодовая таблица.

Слава богу, мы успели отойти от горящего катера где-то на два кабельтова¹. Рвануло здорово! Поднялся большой столб воды, а через мгновение на поверхности уже ничего не было. Наверное, на борту были торпеды.

Нам повезло. Мы встретили пару наших тральщиков. Они возвращались с постановки минного заграждения.

Санинструктор сделал раненому перевязку.

— Жить будет, — сказал он про пулеметчика.

И тут погода начала портиться. Ветер усилился, наша кильватерная колонна все больше и больше зарывалась носом в волны.

Когда на горизонте показался берег, был уже поздний вечер.

После швартовки, когда раненого и погибших увезла «санитарка», мы сидели на скамейке у пирса. Спало нервное напряжение, навалилась усталость. Хотелось спать и ни о чем не думать. Я закрыл глаза.

...В тяжелой полудреме я увидел родной Чкалов. Пыльное лето сорок первого года.

В самом начале войны я, как и многие сверстники, только что окончившие десятилетку, помчался в военкомат. Там нам дали от ворот поворот. Сказали, что война будет скоротечной, Красная армия обойдется без нас. Весь июль я проработал в пригородном подсобном хозяйстве.

Все взрослые ребята и мужики нашей городской окраины, бывшей казачьей станицы Форштадт,

¹ Кабельтов — $\frac{1}{10}$ часть мили, 185 метров.